

— Ну ладно, понял.

На самом деле Цзян Ян не до конца понял, что сказал Цзян Чжунюнь. Его ответ был скорее автоматическим, чем осознанным.

Когда началась трапеза, Цзян Ян принялся есть с жадностью, словно голодал несколько дней. Цзян Шэн, наблюдая за своим младшим братом, глубоко переживал, что тот, видимо, сильно страдал в школе. Он беспокоился, что Цзян Ян может подавиться, если будет есть слишком быстро, и потому внимательно следил за ним, готовый в любой момент отложить палочки и похлопать брата по спине.

Однако опасения Цзян Шэна оказались напрасными. Цзян Ян, будучи выходцем из знатной семьи, даже в состоянии сильного голода не забывал о правилах поведения за столом. Поэтому он не подавился, и Цзян Шэну так и не представилось случая помочь ему.

Когда оба брата наелись, они, следуя привитым им манерам, взяли немного десерта и медленно ели, ожидая, пока старшие закончат трапезу. Только после этого они отложили палочки.

В последнее время в семье Цзян царил беспокойство. Сначала товары были задержаны управляющим Фань, или, как его можно было назвать, Чжан Юем. Затем произошел инцидент в театре, а несколько дней назад единственный сын Вэнь Сюя, Вэнь Чжулань, утонул в пруду с лотосами на территории усадьбы Цзян. Из-за этого Цзян Чжунюнь распорядился выделить охрану для сопровождения Цзян Яна в школу и обратно.

— Поступив в школу, он узнал о правилах приличия. Пора дать Цзян Яну взрослое имя.

Какими бы ни были традиции в других семьях, в семье Цзян принято давать взрослое имя каждому ребенку, поступившему в школу.

После того как старшие закончили трапезу и отложили палочки, они начали обсуждать взрослое имя для Цзян Яна. Ведь главной целью их визита было именно это.

— Пойдемте, все наелись. Пора открывать семейный храм.

В семье Цзян было принято открывать семейный храм не утром, как в других семьях, а вечером или даже после наступления темноты.

Вскоре все собрались у входа в семейный храм. Пожилой человек с морщинистым лицом достал ключ и открыл заржавевший медный замок на двери храма с громким щелчком.

Цзян Чжунюнь приказал принести семейную книгу, и все начали зажигать благовония, обсуждая взрослое имя для Цзян Яна.

Один из старших несколько раз перелистал книгу.

— В семейной книге почти все имена уже использованы...

— Пусть будет Цзы Тань. Это лучшее имя, которое есть сейчас в роду.

— Цзы Тань.

Цзян Чжунюнь тут же встал.

— Хорошо, хорошо, Цзы Тань, пусть будет Цзы Тань!

Он был крайне доволен этим именем.

Цзян Ян спокойно наблюдал за тем, как эти люди спорили о его имени.

— Какое у тебя имя?

Он дернул за рукав Цзян Шэна.

— Цзы Кунь.

— Цзы Кунь...

«На крайнем севере есть море Миньхай, Небесный пруд. Там водится рыба, ширина которой составляет несколько тысяч ли, а длина соответствует этому. Ее имя — Кунь».

— У тебя хорошее имя.

— Цзы Тань, Янъян, папа сказал, что твое взрослое имя будет Цзы Тань, понял?

— Понял.

Цзян Ян не до конца понимал важность взрослого имени, поэтому его выражение лица оставалось спокойным.

После нескольких часов споров о выборе имени для Цзян Яна на улице уже полностью стемнело. Цзян Чжунюнь распорядился проводить старших домой, а затем отправил Цзян Шэна и Цзян Яна спать.

Цзян Шэн хотел поговорить с младшим братом, но было уже слишком поздно.

В последнее время Цзян Ян жил по расписанию: школа, дом и снова школа. Он уже привык к общению с одноклассниками, хотя, по правде говоря, его отношения со сверстниками не складывались. Большинство одноклассников были предупреждены родителями, что он — «неприкасаемый», поэтому до сих пор никто не пытался ему досаждать. Однако из-за того, что он не знал, как общаться с людьми, его популярность была крайне низкой.

Но это не особо беспокоило Цзян Яна. На самом деле он еще не достиг возраста, когда друзья становятся важны. Одиночество и отсутствие постороннего вмешательства были именно тем, что ему сейчас нужно, поэтому в школе он чувствовал себя вполне комфортно.

Тем не менее, даже в таком положении Цзян Ян не был одинок. Находились те, кто пытался ему угодить. Более того, Цзян Чжунюнь, опасаясь за своего «бесценного» сына, специально устроил в тот же класс двоих детей слуг семьи Цзян — Ли Му и А Си.

По какой-то причине Ли Му относился к Цзян Яну с некоторым пренебрежением, а А Си, наоборот, всячески старался угодить.

Хотя Цзян Ян был еще молод, он понимал, что Ли Му был слишком горд, чтобы признать свое низкое положение, а А Си отчаянно хотел заслужить его расположение. В любом случае, в школе Цзян Ян чувствовал себя неплохо.

— Молодой господин, посмотрите, как решается эта задача.

А Си объяснял Цзян Яну решение математической задачи.

В прошлом начальное образование включало девять книг: «Сто фамилий», «Тысяча иероглифов», «Три иероглифа», «Тысяча стихов», «Стихи вундеркиндов», «Критика поэзии», «Краткая история», «Песни двадцати одной истории» и «Кнут драконьего узора». Эти девять книг были написаны в рифмованной форме, чтобы дети могли их легко запомнить. Некоторые из них не читали вовсе, или читали только одну-две. Ученики, которые уже выросли, не изучали эти книги. Но сейчас обучение разделилось на три предмета: китайскую литературу, математику и естественные науки.

Из этих трех предметов математика была слабым местом Цзян Яна. Часто он не мог понять заданий, которые давал учитель.

А Си, видя это, сразу после уроков подходил к Цзян Яну и объяснял ему непонятные задачи. Ли Му же наблюдал издали и никогда не подходил к Цзян Яну, если тот его не звал.

Через несколько дней Цзян Ян понял, что Ли Му к нему не расположен, и спросил его, почему. Ли Му ответил:

— Нет, я не против вас, молодой господин. Вам это просто кажется.

Цзян Ян наткнулся на мягкий отказ, но он был достаточно умен, чтобы рассказать об этом Цзян Чжунюю. Услышав это, Цзян Чжунюнь, учитывая, что отец Ли Му верно служил семье, попросил директора перевести Ли Му в другой класс.

— Числа в скобках нужно сначала разделить.

А Си старательно объяснял, чтобы Цзян Ян все понял.

— А, я понял.

Цзян Ян разобрался после нескольких примеров.

Убедившись, что Цзян Ян понял, А Си отложил карандаш и заговорил о другом.

— Я слышал, что в школьном туалете водятся странные существа.

А Си таинственно посмотрел на Цзян Яна и шепнул ему на ухо.

— Какие странные существа?

А Си оглянулся и снова заговорил таинственным тоном.

— Призраки...

Цзян Ян посмотрел на него.

— Ты врешь. Я ходил туда много раз и никогда ничего не видел.

Он не верил в такие вещи и скептически отнесся к словам А Си.

— Ну... Я просто слышал это от старшеклассников. Молодой господин, просто знайте об этом и никому не рассказывайте. Я сказал вам, чтобы предупредить.

Цзян Ян положил карандаш в железную коробку.

— Я не верю. Это просто слухи.

— Молодой господин, вы должны пообещать мне, что никому не расскажете.

А Си настаивал.

Цзян Ян подумал.

— Ладно.

А Си тут же улыбнулся.

— Молодой господин, это правда. Я не стал бы вас обманывать.

А Си снова и снова настаивал на том, что в туалете водятся призраки, и рассказывал Цзян Яну истории о том, как они вредят людям. Иногда, если что-то повторять слишком часто, даже ложь начинает казаться правдой. Это было испытанием на зрелость мышления.

Цзян Ян не верил в духов, но постоянные рассказы А Си заставляли его сомневаться.

Имя Тань имеет значение «великий, обширный». В «Да Дай Ли Цзи» есть строки: «Богатый и почтительный, он способен строить планы, совершенствуя себя, он становится великим с течением времени». Ван Пинчжэнь в своих комментариях писал: «В "Гуан Юнь" сказано: "Тань — великий". Дела, спокойные в течение долгого времени, сами по себе становятся великими». Поэтому Цзян Чжунюнь был очень доволен этим именем.

<http://bllate.org/book/16249/1461321>